

DOI 10.31029/vestdnc100/12

УДК 811.35

ГРАНИЦЫ И АКТУАЛИЗАТОРЫ КАТЕГОРИИ АУГМЕНТАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

М. О. Ибрагимова, ORCID: 0000-0003-3910-3923

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

BOUNDARIES AND ACTUALIZERS OF THE AUGMENTATIVE CATEGORY (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUTUL LANGUAGE)

M. O. Ibragimova, ORCID: 0000-0003-3910-3923

Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal
Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье освещены проблемы определения статуса и границ категории аугментативности, ее актуализаторов на материале рутульского языка, относящегося к нахско-дагестанской языковой семье. Охарактеризованы разные точки зрения на исследуемую категорию, изложена авторская позиция. Категория аугментативности, семантически противопоставленная категории диминутивности, определяется как семантико-прагматическая категория, актуализирующая значение большого размера, количества, высокой степени проявления признака. Недостаточная исследованность описываемой категории объясняется немногочисленностью ее репрезентантов и периферийным статусом аугментативов как актуализаторов семантики количества. Признано, что случаи размытости границ исследуемой категории в рутульском языке, когда понятийный статус некоторых единиц можно соотнести одновременно с аугментативами и диминутивами, дерогативами и аугментативами, обусловлены семантическими коллизиями. Выявлены и описаны репрезентанты категории аугментативности: морфемы, лексемы, фразеологические и паремиологические единицы. В статье характеризуются как специфичные для семантико-прагматических категорий, так и имеющие единичное употребление аффиксы, используемые при маркировке аугментативов в рутульском языке. Определено, что недостаток морфологических аугментативных образований в дагестанских языках обуславливает необходимость их восполнения на лексико-семантическом уровне.

Abstract. The article addresses the problems of defining the status and boundaries of the augmentative category and its actualizers in the Rutul language, which belongs to the Nakh-Daghestan language family. Various scholarly perspectives on the category under study are characterized, and the author's own position is set forth. The augmentative category, semantically opposed to the diminutive category, is defined as a semantic-pragmatic category that actualizes the meaning of large size, quantity, or a high degree of manifestation of a feature. The limited research into this category is explained by the small number of its representatives and the peripheral status of augmentatives as actualizers of quantity semantics. It is acknowledged that instances of blurred boundaries of the studied category in the Rutul language — where the conceptual status of certain units can be simultaneously associated with both augmentatives and diminutives, or with derogatives and augmentatives — are conditioned by semantic conflicts. The representatives of the augmentative category are identified and described at the lexical-semantic, phraseological-semantic, paremiological-semantic, and morphological levels. The article characterizes both affixes specific to semantic-pragmatic categories and those used in marking augmentatives in the Rutul language. It is determined that the lack of morphological augmentative formations in Dagestani languages necessitates their replenishment at the lexical-semantic level.

Ключевые слова: рутульский язык, категория аугментативности, семантико-прагматическая категория, аугментативные суффиксы в рутульском языке.

Keywords: Rutul language, augmentative category, semantic-pragmatic category, augmentative suffixes in Rutul.

В современном российском языкознании для репрезентантов передачи семантики большой величины предмета или большой степени проявления качества, признака используются синонимичные термины «увеличительность», «аугментативность» и «амплификативность». Термины «аугментативность» (от лат. *augmentare* «увеличивать», «усиливать») и «амплификативность» (от лат. *amplificare* «увеличивать», «распространять») заимствованы отечественными лингвистами относительно недавно, последний является менее частотным.

Малочисленность аугментативов в языках мира обусловила фрагментарность их исследования и недостаточную разработанность методики их изучения.

В научной и справочной литературе статус категории аугментативности трактуется неоднозначно. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой увеличительность характеризуется как «обобщенное значение большого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством увеличительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными оттенками (изумления, восхищения, неодобрения и т.п.)» [1, с. 482].

Э.Д. Розенталь и М.А. Теленкова определяют аугментативность как семантико-грамматическую категорию, служащую для выражения значения увеличительности и субъективно-эмоциональной оценки говорящего с помощью разнообразных аффиксов [2].

Т.Ф. Ефремова в «Современном толковом словаре русского языка» подчеркивает двуплановую семантику аугментативных аффиксов, выражающих большую величину предмета или большую степень качества и передающих различные коннотации [3].

Представители зарубежных научных школ также отмечают, что аугментативные аффиксы способны выражать, кроме больших размеров, величины [4], еще и неуклюжесть, безобразность [5], чудовищность объекта рассматриваемой категории, который отличается слишком большими размерами и, как следствие, считается отклонением от общепринятой нормы [6].

Анализ материала рутульского языка позволяет согласиться с мнением лингвиста К. Шнайдера о том, что аугментативы в языках мира менее частотны, но более маркированы, чем диминутивы [7, с. 16], т.к. если в рутульской речи и встречаются единичные аугментативы, то они, за редким исключением, маркированы специфическими суффиксами.

Непропорциональность представленности в языках этих двух категорий наглядно отображена в статье Н. Гранди “Renewal and Innovation in the Emergence of Indo-European Evaluative Morphology”, в которой автор приводит возможные модели морфологической (словообразовательной) реализации категорий диминутивности и аугментативности: языки, в которых представлены и диминутивы, и аугментативы; языки, в которых представлены диминутивы, но нет аугментативов; языки, в которых не представлены диминутивы, но есть аугментативы; языки, в которых не представлены ни диминутивы, ни аугментативы [8, с. 7]. Эти положения противоречат убеждению К. Шнайдера об автоматической обусловленности наличия аугментативов во всех языках, содержащих диминутивы [7, с. 16].

Мы полагаем, что аугментативность, как и диминутивность, можно квалифицировать как семантико-прагматическую категорию, располагающую специфическими аффиксами.

В рутульском языке, как и в родственных дагестанских языках, аугментативы (по сравнению с диминутивами) представлены относительно скудно на лексическом и фразеолого-паремиологическом уровнях.

В количественном отношении аугментативы фразеолого-паремиологического уровня в рутульском языке, как и в родственных дагестанских языках, значительно уступают диминутивам.

На морфологическом уровне они оформляются аффиксами *-ый*, *-мый*, *-бий*, *-ций*, *-хъай*, которые можно квалифицировать как огрубляюще-экспрессивные средства:

къаИн-ый «1) крупный, огромный; 2) кто-либо, что-либо крупных размеров» (исходная семантика корня затемнена);

вакъ-ый «огромный, крупный» (исходная семантика корня затемнена);

зыбыхъ-ый «верзила, толстяк» (исходная семантика корня затемнена);

парпац-ый общ. рода «пузан / -ка» (от *парпац* «1) большой кусок, слой чего-либо; 2) брюхо, чрево»);

баб-ый «1) крупный, огромный, гигантский; 2) гигант, великан» (исходная семантика корня затемнена);

аждаа-мый «1) дракон; 2) перен. крепыш, богатырь» (от *аждагъ* с аналогичной семантикой);

баба-ций (ихрекский диалект) «вещь крупных размеров» (см. в мухадском диалекте: *баба-ций* «старший в роду, пращур, предок»; возможно, от *баба* «дед, дедушка»);

бугъа-ций общ. рода «толстяк/ толстуха» (от *бугъа* «бык, бугай»);

гургу-мый «костёр» (образовано от звукоподражания огню присоединением суффикса аугментативности *-мый*).

В единичных случаях используются сложные суффиксы *-бам-бий*, *-бан-хъай* с компонентом *-бан / -бам*:

си-бам-бий «медведь, медвежонок» (от общеупотребительного *си* «медведь»);

си-р-бан-хъай (мюхрекский диалект) «медведь» (от общеупотребительного *си* «медведь»).

Характеризуя аугментативы на лексико-семантическом уровне, в их состав можно включить и единицы с семантикой увеличительности, большого размера, неуклюжести, безобразности, не маркируемые специализированными суффиксами: *линг* «верзила, детина», *хъл* «верзила, детина, дылда», *шалман* «1) бревно; 2) верзила, детина» и т.д.

В некоторых случаях трудно определить понятийный статус существительного, т.е. отнести его к диминутивам, дерогативам или аугментативам: так, существительное общего рода *парпацый* «пузан/-ка» является и дерогативом, и аугментативом; существительное *сибамбий* «медведь», образованное от общеупотребительного *си* присоединением сложного суффикса *-бам-бий*, как единицу «языка нянь» можно отнести к диминутивам, но семантика лексемы, обозначающей медведя как самого большого зверя, известного рутульцам, и специфический суффикс *-бам* говорят в пользу аугментативного статуса этого существительного. Подтверждением этому служит и характеристика, данная С.М. Махмудовой во «Фразеологическом словаре рутульского языка»: «Концепт Медведь (Си//Сибамбий) в русском языке – это символ неуклюжести, силы, неповоротливости, веса: «толстый, как медведь», «сильный, как медведь», «неуклюжий, как медведь». В рутульском языке *Си* «медведь» – это символ огромной неконтролируемой силы, а также отменного здоровья хорошего аппетита:

Гъанийе, сируре кал, сукьур, бытІраана люъури. Он, как медведь, сел и хорошенько поел.

Ганийхда сирды калды гудж а. У него сила, как у медведя.

Гъанийс едере руъуд име, сирыхда кал, джан а. Разве он может заболеть, у него тело здоровое, как у медведя» [9, с. 34].

Анализ приведенных выше примеров позволяет заключить, что семантико-прагматический статус некоторых единиц рутульского языка контекстуально обусловлен.

Аугментативы на фразеолого-паремиологическом уровне часто представлены:

а) копулятивными сочетаниями:

яц-зер «много имущества» (букв. «бык–корова»);

юх-чЫІх «много, уйма, большое количество» (букв. «сель, селевой поток –мусор»);

б) устойчивыми сравнениями:

йух кал «много, большое количество» (букв. «сель, селевой поток словно»);

чЫІх кал «много, большое количество» (букв. мусор словно»);

яц калды «толстый, здоровый, крупный» (букв. «быку подобный»);

девиймашыы сйтесды калды «нечто очень крупное, грубое», часто употребляют в отношении национальных галушек (*хъинкІийбыр*), вареников, пельменей, голубцов крупного размера (букв. «верблюдов закидывать-АТР словно»);

бан на сыв калды «рослый, большой человек» (букв. «горе и южному склону горы подобный/-ая»);

хвар калды / йиван калды «здоровая, большая (о женщине)» (букв. «кобыле подобная / лошади подобная») и т.д.

Гендерную обусловленность применения сравнений *хвар калды / йиван калды* подтверждает материал «Фразеологического словаря рутульского языка» С.М. Махмудовой: «Концепт Кобыла (*Хвар*) в рутульском языке – символ большой, крупной женщины с тяжелой походкой (что являлось символом красоты): *Гъанийды къари хвар калды бытІрад хъыдылды риый. Его жена, как кобыла, красивая женщина была*» [9, с. 38]. «Йиван калды – «здоровая, большая женщина» (букв. Подобная лошади)» [Там же, с. 117].

Таким образом, аугментативы семантически противопоставлены диминутивам, но, подобно им, репрезентируют семантико-прагматическую категорию, актуализирующую значение количества. На лексическом, фразеолого-паремиологическом и грамматическом уровнях они менее частотны, чем диминутивы. Часть суффиксов, маркирующих аугментативы в рутульском языке (*-й/-вий*), специфичны для семантико-прагматических категорий, но есть и уникальные, имеющие единичное употребление.

В рутульском языке выявлены случаи размытости границ исследуемой категории (так, понятийный статус некоторых единицы можно соотнести одновременно с аугментативами и диминутивами, дерогативами и аугментативами), что объясняется контекстуально обусловленными семантическими коллизиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. *Розенталь Д.Э., Теленкова. М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
3. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Umenshitelnost-112454.html> (дата обращения: 25.11.2025).
4. *Brown Keith, Miller Jim.* The Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2013. 481 p. ISBN: 978-0-521-76675-3.
5. *Crystal D.* A dictionary of linguistics and phonetics. John Wiley & Sons Limited, 2011. 560 p.
6. *Frankl P.J.L., Omar Y.A.* Diminutives and Insignificance, Augmentatives and «Monstrosity»: Examples of Class Re-Assignment in Swahili // South African Journal of African Languages. 1994. Vol. 14, Issue 3. P. 113–116.
7. *Schneider K.P.* Diminutives in English. Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen, 2003. 254 p.
8. *Grandi N.* Renewal and Innovation in the Emergence of Indo-European Evaluative Morphology // Lexis: Journal in English Lexicology. 2011. Issue 6. P. 5–25.
9. *Махмудова С.М.* Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала: Эпоха, 2016. 215 с.

Поступила в редакцию 20.01.2026 г.
Принята к печати 26.03.2026 г.

Ибрагимова Мариза Озгановна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: mariza71@mail.ru

Mariza O. Ibragimova, Doctor of Philology, leading researcher, Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: mariza71@mail.ru